

С.И. Лиман, С.Б. Сорочан

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1804–1885 гг.)

НАУЧНАЯ разработка проблем византийской истории началась в Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв. В отечественной византистике этого времени и нескольких последующих десятилетий нашли свое отражение многие вопросы общественно-политического развития самой России. Среди них – жизненно актуальные на тот период попытки оправдать концепцию «просвещенного абсолютизма» и доктрину «самодержавие – православие – народность», выяснить суть славянофильских и западнических воззрений о непризнании или признании общности исторического развития восточнохристианских и западнохристианских государств, показать имманентные причины кризиса крепостничества и, наконец, «глубже разобраться в тенденциях и традициях России, ее исторических связях и положении в мировой истории» [Курбатов 1975, 72–73].

Указанные тенденции общероссийской византистики были в полной мере характерны и для ее развития в отдельных регионах империи. Одним из крупных научных центров со сравнительно богатыми и, главное, самостоятельными византиноведческими традициями был Харьковский университет. Между тем вплоть до настоящего времени в отечественной историографии отсутствует специальная работа, посвященная проблеме зарождения в университете византистики. Исключением служат тезисы доклада С.Б. Сорочана и Ю.Ф. Федорова «Византистика в Харьковском университете (40-е гг. XIX в. – 1917 г.)», в которых, однако, не рассматриваются византиноведческие работы начального периода [Сорочан, Федоров 1994]. В известной фундаментальной историографической монографии Г.Л. Курбатова называется лишь фамилия А.П. Зернина с перечнем его трудов [Курбатов 1975, 78]. Краткое упоминание А.А. Чекаловой в работе «Константинополь в VI в. Восстание Ника»

[Чекалова 1997, 8] о вкладе В.К. Надлера в изучение данной проблемы нуждается в дополнительных и более глубоких разъяснениях. Узкие рамки юбилейной статьи А.И. Митряева, Ю.А. Голубкина, С.И. Лимана «Медиевистика в Харьковском университете» не позволили более полно охарактеризовать научное наследие харьковских византиноведов [Митряев, Голубкин, Лиман 1991, 77–79]. И только творчество М.С. Дринова, в работах которого затрагивались проблемы болгаро-византийских отношений, стало предметом самого пристального внимания в отечественной историографии, хотя – без должной оценки именно византиноведческой стороны штудий [Митряев А.И., Сурков О.М. 1978; Славяноведение в дореволюционной России 1979, 146–147; Горина Л.В. 1986; Славяноведение в дореволюционной России 1988, 222–223]. Часть научного наследия харьковских византиноведов рассматривалась иногда и при характеристике отдельных узких проблем, то есть – крайне поверхностно, косвенно. Таким образом, предлагаемая статья призвана заполнить существующий пробел в историографии Византии и показать историю зарождения харьковской византистики начиная с открытия в 1804 г. Харьковского университета и до середины 1880-х гг. Этот период является особым этапом в истории медиевистики на украинских землях Российской империи и рассматривается в рамках большой темы: «Средневековая Западная цивилизация и восточно-православный мир: общее и особенное (опыт исследования в Украине в 1804–1885 гг.)».

Знаменательно, что первые работы, в той или иной мере посвященные византийской истории, были созданы в Харьковском университете уже в первые годы его существования. Авторами их являлись представители самых разных наук – истории, философии, права. Наиболее ранней следует считать работу профессора юриспруденции И.Ф. Тимковского (1772/73–

1853) «Сравнение Юстиниановых законов с российскими» (1808 г.), которая, к сожалению, не сохранилась. Биограф И.Ф. Тимковского, Н.В. Шугуров, перечисляя его научные труды, написал по этому поводу следующее: «Кроме того, в бумагах Тимковского есть указание на написанное им в это же время (1808 г. – С.Л., С.С.) на латинском языке сочинение «Сравнение Юстиниановых законов с российскими», за которое Геттингенское ученое общество в 1809 г. избрало Тимковского в свои члены; когда и где было издано это сочинение – нам не известно» [Шугуров 1891, №9, 406]. Подобная оценка работы харьковского ученого вполне позволяет говорить о ее высоком научном уровне. Главные ее выводы, скорее всего, легли в основу сохранившейся речи И.Ф. Тимковского «О применении знаний к состоянию и цели государства» (1808 г.). «Если бы европейцы, – отмечал в ней харьковский ученый, – не ввели у себя римского права, Юстинианом уложенного, что были бы по сие время собственные их уставы, судопроизводство и зависящие от них дела правления?» [Тимковский 1808, 23]. Прибавим к этому, что рассмотренная И.Ф. Тимковским тема влияния византийского законодательства на отечественное и западноевропейское право во многом предопределила одно из направлений научных разработок отечественных византиноведов.

Уже в актовой речи харьковского адъюнкта философии И.М. Ланга «Об изучении юридических и политических наук» (1810 г.) отмечалось огромное значение во всемирной истории римско-византийского права. И.М. Ланг особо подчеркнул роль византийского императора Юстиниана I в кодификации этого права, у истоков которого, по его верному мнению, стояли римские юристы. «Всяк исполняется благоговения к сей законодательной мудрости, – указывал ученый. – Трон Римского владычества был ниспровержен, но победители подвергли себя законам побежденных» [Ланг 1810, 98–99]. С И.М. Лангом будут солидарны и адъюнкты Харьковского университета 20–30-х гг. К. Михайловский и Г. Гордеенков. В «Речи о начале и происхождении Российского законодательства» (1823) К. Михайловский отмечал, что расселение славян на Балканах с

эпохи Юстиниана способствовало заимствованию ими римско-византийского права [Михайловский 1823, 18, 23, 25]. Г. Гордеенков в речи «О законодательном достоинстве Свода Законов Российской империи» (1835) в числе величайших законодателей всемирной истории называл Юстиниана, а в числе величайших правовых памятников – «превосходный», «славный Юстинианов Свод (Corpus juris)» [Гордеенков 1835, 2, 6, 19]. Впоследствии тема влияния византийского (римско-византийского) права на страны и народы Европы станет одной из ключевых в отечественной византистике, хотя в силу специфики трудного предмета она до сих пор остается уделом избранных специалистов [ср.: Харитонов 2000, 176–227].

Другим направлением, которое со временем также делается традиционными, более того, получит наибольший расцвет, было изучение культурного влияния Византии на соседние государства. На эту тему в Харьковском университете успели высказаться уже современники И.Ф. Тимковского и И.М. Ланга – уроженец Германии Х.В. Роммель (1871–1859) и французский эмигрант А.А. Дегуров (А. Дю Гур) (1765/66– 1849). В актовой речи «О преимуществе и силе истинного и совершенного просвещения» (1811 г.) Х.В. Роммель высоко оценил ту значительную роль, которую сыграли в истории европейского, прежде всего – итальянского, Ренессанса подданные погибающей Рومании. «Убегающие и изгнанные греки, искусные во всех изящных науках» способствовали, по выражению Х.В. Роммеля, тому, что «греческие и римские умоткрытия чрез долгое время в целой Европе... быв восстановлены, открыли прекрасный путь всем изящным наукам, и отверзли славнейшие и прозрачнейшие источники, из коих не токмо писания мужей мудрых и деяния героев, но и все, что древность редкого и, так сказать, божественных внушений исполненного ни заключает, почерпать и заимствовать можем» [Роммель 1811, 49]. С такой оценкой византийского влияния на европейское Возрождение был солидарен и А.А. Дегуров. Об этом влиянии он высказался в актовой речи «О возрождении наук и перевес, который они дали Европе перед прочими частями

света» (1812 г.). Последний период существования Византии и разрушения ее турками-османами, «коим ни наука управлять, ни вкус к просвещению были не известны», привели, по словам ученого, к массовому исходу из нее «отличных в каждом роде художников», которые «приходят в Италию искать той тишины и спокойствия, кои необходимо нужны для занятий разумом» [Дегуров 1812, 43].

Таким образом, изначально можно заметить выделение тех основных направлений византиноведческих исследований, которые, будучи заявленными, получают дальнейшее развитие. Если смести с них налет официальной православности и некоторого историко-этнического, панславистского предубеждения к губителям Византии (особенно туркам), постановка научных проблем была намечена правильно. Однако в этих и в ряде последующих работ харьковских ученых византийская тематика не являлась пока преобладающей. Она проявлялась не более чем в прикосновениях – тем не менее, требующих знаний и верной научной интуиции. Об истории Византии упоминалось лишь вскользь и главным образом в связи с правовыми и культурологическими вопросами. Социально-экономическая тематика здесь (впрочем, как и в невизантиноведческих студиях) находилась, в лучшем случае, на задворках. Существенное воздействие на создание отечественных концепций византийской истории стало оказывать и все более осваиваемое многотомное сочинение авторитетного английского исследователя Э. Гиббона «История упадка и гибели Римской империи» (1788 г.). Его попытка (к слову, мастерски выполненная) представить историю Византии как период тысячелетнего разложения и регресса получила распространение в курсах лекций и учебной литературе университетов Украины. В этой связи становится понятно, почему в курсе лекций по истории средних веков известного и весьма талантливого, рано умершего харьковского историка М.М. Лунина (1806–1844), дошедших до нас в рукописи, полностью отсутствуют темы по истории Византии. Поразительно, но даже о величайших византийских завоеваниях М.М. Лунин говорит лишь в контексте тех войн, которые

вели в VI в. новосозданные Вандальское и Остготское королевства, то есть – германцы, а не ромеи. Назвав автократорство Юстиниана I «знаменитым» [Лунин *тетрадь* 23, л.12], ученый в то же время считал показательной самостоятельностью полководца Велисария, который отказался подписать договор, предложенный императором остготам, и добился в 539 г. сдачи Равенны [Лунин *тетрадь* 25, л.9]. Что же касается захвата византийцами Италии, то, по однозначному мнению М.М. Лунина, «...новая провинция не могла процветать под тяжестью Восточного деспотизма; притом безвременное вмешательство Юстиниана в церковные дела увеличило народное недовольство» [Лунин *тетрадь* 26, л. 2.; ср.: Gibbon 1814, vol. 5; Удальцова 1957, 318–326; Удальцова 1958, 23–27; Удальцова 1959, 439–494]. Очевидно, признать правление Юстиниана “золотым веком”, как это будут делать впоследствии известные, крупные византинисты, харьковский профессор не желал [ср.: Grabar 1966]. В целом вывод о реставраторской политике Византии в Италии был верен, но вместе с тем явный прогиббоновский антивизантизм М.М. Лунина перешел впоследствии в первый, изданный в Украине, учебник по истории средних веков (1858) киевского ученого В. Шульгина. Издание В. Шульгина увидело свет уже после того, как в европейской и отечественной науке стало известным фундаментальное исследование английского медиевиста Д. Финлея «История Византийской и Греческой империй с 716 по 1453 г.» (1854 г.). Д. Финлею суждено было стать, по сути, первым крупным византинистом европейского масштаба, который аргументированно оспорил концепцию историков Просвещения (в том числе и Э. Гиббона) о тысячелетнем упадке Византии. Но и помимо влияния Д. Финлея, и до, и после него, в отечественной византинистике с каждым новым десятилетием все более приобретало остроту стремление одних ученых доказать, а других – как можно убедительнее оспорить утверждения Э. Гиббона.

Со времени выхода в 1808 г. сочинения И.Ф. Тимковского о законах Юстиниана прошло несколько десятилетий, прежде чем византийская тематика вновь стала предметом значимых специальных, в том

числе – диссертационных, фундаментальных исследований. Эти исследования можно разделить на две большие группы: 1) работы по истории византийско-славянских отношений; 2) работы, посвященные внутривизантийской и церковной истории Византии.

Большой вклад в исследования по истории византийско-славянских отношений внесла магистерская диссертация харьковского филолога Н.А. Лавровского (1825–1899) «О византийском элементе в языке договоров русских с греками» (1853 г.). Указанная диссертация имела важное значение для воссоздания главным образом культурных отношений Византии с Древней Русью. По словам самого Н.А. Лавровского, анализ договоров помогает «воскрешать седую старину и раскрывать те законы, по которым развивалась жизнь русского народа» [Лавровский 1853, 1]. Прибавим от себя, что в отечественной историографии это была одна из первых специальных работ о византийско-русских отношениях, к тому же – с попыткой оценки правового и филологического аспектов этих документов в том виде, в каком они появились на византийской стороне.

Лейтмотивом исследования харьковского ученого стало его утверждение о ромейском происхождении договоров, о бесспорной принадлежности их «к числу переводных памятников» [Лавровский 1853, 4]. С целью доказательства влияния византийских подлинников на форму и структуру этих договоров, Н.А. Лавровский предпринял глубокий текстологический сравнительный анализ, показав прекрасное знание древнерусского и среднегреческого языков. В структурном плане его магистерская диссертация состояла из четырех частей, в каждой из которых ученый последовательно рассматривал внешнюю форму договоров, построение переводов, синтаксис языка договоров, а также сопоставлял отдельные слова и выражения, встречающиеся в тексте, с византийской лексикой. При этом наибольшую ценность для историков имеет, главным образом, первая глава диссертации.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов, рассмотренных Н.А. Лавровским и не разрешенным до конца и по сей день, был вопрос о характере соглашения,

заключенного Олегом под стенами Константинополя в 907 г. Харьковский ученый нисколько не сомневался в том, что это – договор, причем договор «отдельный, самостоятельный, скрепленный с обеих сторон клятвой и окончательно решавший вопрос о взаимных торговых сношениях». Но интересовал Н.А. Лавровского в связи с этим совсем другой вопрос: почему договор 907 г., внесенный в летопись Нестора «без соблюдения надлежащей формы, ... не вошел в формальный договор 911 г. и почти буквально повторен в договоре 945 года?» [Лавровский 1853, 5–6]. Для автора в данном случае все было предельно ясным: поскольку при заключении соглашения 907 г. русские преследовали, прежде всего, «... выгоды торговли и не предвидели неизбежных столкновений, требующих точнейшего определения прав и обязанностей, то о последних вовсе и не упомянуто. Когда же опыт убедил в их необходимости, то Олег отправил в Константинополь особых послов, которые и определили отношения этого рода». Этим, по его мнению – главным образом, и объяснялось отсутствие статей 907 г. в заключительном договоре 911 г. Больше затруднений вызывал у автора ответ на вопрос: почему Олег договор 907 г. почти без изменений вошел в договор 945 г.? «Не позволяя себе относительно его бездоказательных предположений, – отвечал ученый, – скажем здесь только, что ... договор 907 года был вполне самостоятельный, договор 911 года столько же самостоятельный, но по содержанию более частный, договор же 945 года вполне самостоятельный и при том заключающий в себе общие и частные определения прав и обязанностей, с некоторыми опущениями сравнительно с Олеговым, опущениями, которые, вероятно, касались статей более не действовавших при перемене обстоятельств» [Лавровский 1853, 7].

Вас убедили эти предположения? Нас – нет!

Весьма расплывчатые формулировки Н.А. Лавровского при характеристике столь важного вопроса можно объяснить лишь тем, что как филолог он спешил приступить к рассмотрению «внешней формы договоров», а честь заниматься более доказательной источниковедческой базой относительно всего вышеизложенного он

негласно оставлял историкам. На это своеобразное завещание откликнулось, с течением времени, довольно большое количество наследников, численности которых Н.А. Лавровский явно не мог предвидеть. Отметим, к примеру, что дискуссии относительно договора 907 г. делятся до настоящего времени [Лонгинов 1904; Левченко 1951, 105–126; Левченко 1956, 91–176; Сахаров 1980; Хачатуров 1988; Malingoudi 1994]. На дискуссионность и противоречивость данной проблемы указывает, в частности, известный современный византинист Г.Г. Литаврин в своей монографии «Византия, Болгария и Древняя Русь (IX – начало XII в.)» [Литаврин 2000, 65]. И хотя сам он скорее склоняется здесь к точке зрения Я. Малингуди (что договор 907 г. был предварительным соглашением договора 911 г.), тем не менее в другой его книге «Византия и славяне» обнаруживается стремление автора дистанцироваться от высказывания однозначного мнения на этот счет: «Независимо от решения вопроса о том, был ли в какой-то форме заключен договор между Русью и Византией также в 907 г., или не был заключен, ясно, что мирные торговые связи «из варяг в греки» установились за много десятилетий до 911 г.» [Литаврин 1999, 426]. Действительно, есть основания вести их отсчет, по меньшей мере, с начала 60-х гг. IX в. [Сорочан 2001, 247–250].

Н.А. Лавровский, как мы помним, колебаний в данном вопросе не обнаруживал, хотя доказательной базой по этой части свою диссертацию не обременял. Доказательства становились все более убедительными по мере того, как харьковский исследователь углублялся в суть вопроса о византийском влиянии на тексты договоров. Русы, по его мнению, в начале X в. находились еще «в первой поре развития общественной жизни», а потому «могли выражать свои мысли только так, как им внушал простой здравый смысл, сама природа, не подчиняя их искусственным формам, о которых не имели никакого понятия и которые появляются в эпоху полного развития гражданственности» [Лавровский 1853, 8]. «Если же русские, – продолжал далее ученый, – сами не могли сообщить внешней формы своим договорам, то они могли получить ее

только от греков». На основании приведенных им примеров из сборника грамот византийских императоров, собранных Константином Багрянородным, отрывков из хроники Иоанна Малалы, сочинений Феофилакта Симокатты, Георгия Кедрина, Н.А. Лавровский убедительно доказал, что «...внешняя форма, в какую облакали греки различные акты, имевшие официальное значение, сходна с формой договоров» [Лавровский 1853, 12].

Вторая и последующие части диссертации ученого были посвящены главным образом тонким филологическим аспектам проблемы, которые мы, разумеется, опускаем. Наибольший интерес для нас здесь представляет материал выводного характера. Так, византийское влияние на построение периодов, по мнению Н.А. Лавровского, «преимущественно отразилось на их синтаксисе». «Что же касается до размещения составных частей отдельных предложений, – продолжал далее ученый, – то и оно в наших договорах совершенно в византийском характере» [Лавровский 1853, 15, 29]. В дальнейшем им была последовательно установлена зависимость синтаксиса языка договоров от среднегреческого языка и доказано, в ходе анализа, сходство отдельных слов и выражений. Полученные результаты позволили Н.А. Лавровскому еще раз подтвердить свою мысль о приоритетном, определяющем византийском влиянии на язык договоров, вышедших, следовательно, из секрета имперского ведомства логофета дрома. При этом ученый отметил в заключении, что это влияние на текст договоров «наиболее отразилось в их вступлениях и заключениях и наименее в самих статьях» [Лавровский 1853, 155]. Как известно, такое мнение разделяют и современные византинисты, углублявшиеся в препарирование источников [Malingoudi 1994].

Вклад Н.А. Лавровского в прослеживание отношения текстов договоров русов к не дошедшим до нас греческим текстам (а также в их реконструкцию) получил высокую оценку и признание его современников. Во многом ученому удалось создать фундамент для последующих научных изысканий по этой теме в отечественной науке, в том числе – в украинских землях [ср.: Сокальский 1870].

Византийско-славянские (главным образом – византийско-болгарские) отношения рассматривал в своем творчестве другой профессор кафедры славяноведения, М.С. Дринов (1838–1906). Он был автором ряда работ, созданных в харьковский период деятельности [Дринов 1873; Дринов 1874], а основные положения его концепции о влиянии Византии на соседние славянские государства были в более развернутом и аргументированном виде изложены в основном его труде – докторской диссертации “Южные славяне и Византия в X в.” (1876 г.). Основным источником при написании этой работы послужили три десятка писем Константинопольского патриарха Николая I Мистика (901–907, 912–925), в которых, по выражению М.С. Дринова, «...заключается богатый материал, бросающий довольно яркий свет на тогдашние отношения Болгарии к Византии, а также и к другим ее соседям» [Дринов 1876, 1]. И хотя следует признать вполне справедливым утверждение ученого о том, что подавляющее большинство этих писем осталось без внимания его предшественников, все же правомерен вопрос: можно ли считать достаточной источниковую базу докторской диссертации по истории византийско-славянских отношений всего X в., если основой ее служат письма, относящиеся к его первой четверти?

Несмотря на то что работа была посвящена проблемам внешней политики на Балканах в X в., М.С. Дринов начинает свое исследование с крещения Болгарии в 863 г. Это событие, приведшее, по его словам, к установлению крепкого мира с Византией, позволило последней изменить в свою пользу соотношение сил и в других частях Европы. Так, среди успехов умного и деятельного византийского императора Василия Македонянина М.С. Дринов выделял победу над Каролингами, захват их владений в Далмации и Италии, успехи в борьбе с арабами и т.д. [Дринов 1876, 3]. При этом М.С. Дринов не дал в своей докторской диссертации ясного ответа на очевидный вопрос: насколько напряженными были усилия Византии, выигравшей церковную борьбу за Болгарию у Римского Папы, если присоединение болгар к греко-православной церкви принесло столь очевидные выгоды Константинополю?

Подобное уточнение было бы тем ценней, что оно наверняка внесло бы коррективы в последующие рассуждения ученого. Иначе как понять, что выгодный Византии «крепкий» мир с Болгарией «был нарушен, как только императора Василия сменил непохожий на него Лев Философ», который «легко подчинялся влиянию людей» [Дринов 1876, 4, 6]. Виновницей нарушения дружественных отношений двух держав во время правления Льва Философа и болгарского царя Симеона М.С. Дринов признавал исключительно Византию, а именно – приближенных императора, спровоцировавших своими торговыми злоупотреблениями очередную войну. Козни “торговых людей” из Эллады, Ставракия и Косьмы, судя по молвдулам, коммерциариев Фессалоники конца IX – начала X вв., их интриги с всесильным тестем василевса, Заутзем, как показывают современные исследования, действительно сыграли в развязанной «экономической войне» 894 г. главную роль, а «болгарская обида» могла проистекать из нарушений основных принципов митатной формы торговли [Oikonomides 1991, 247; Сорочан 1996, 68–70; Сорочан 2001, 309–310]. Безусловно, это дает представление о поводе к очередному витку византийско-болгарского противостояния, но не вполне объясняет, почему на протяжении практически всего своего правления Симеон проводил антивизантийскую внешнюю политику. Между тем, по собственному признанию М.С. Дринова, «главное внимание его (Симеона. – С.Л., С.С.) было сосредоточено на пересадке плодов византийской образованности в Болгарии» [Дринов 1876, 9–10].

Антивизантизм самого М.С. Дринова в данном случае вполне очевиден. Эта черта его творчества отмечалась исследователями неоднократно. Однако, перенося свой болгарский патриотизм в область научных исследований, М.С. Дринов иногда возвышался над национальными чувствами. Так, например, он упрекал Симеона за грубый ответ византийскому патриарху Николаю, пытавшемуся предотвратить новую войну, и признавался, что Симеон всячески стремился овладеть византийским престолом [Дринов 1876, 12; 20]. Однако противоположных высказываний

у М.С. Дринова куда больше. Образы византийских императоров под его пером зачастую выглядят откровенно карикатурно, пресловутое византийское коварство возводится им в абсолюте. Между тем успехи Болгарии в войнах против Византии существенно повлияли, по мнению автора, и на смену власти в Константинополе после Ахелойской и Катасиртской битв, и на сближение Византии с папством (так называемое «единение» 923 г.) [Дринов 1876, 18–19; 27–29], что едва ли можно отнести к выгоде болгарской стороны. В даровании Византией Петру Симеоновичу титула царя Болгарии М.С. Дринов также усматривал неблагоприятный замысел императорского двора во время очередного и очевидного сближения двух стран: «Под шумок торжественных заявлений о своей дружбе к правительству Петра, Византия, пользуясь тем, что эти заявления открывали ей все государственные тайны этого правительства, деятельно работала над разложением могущества Болгарского царства, надеясь таким образом вернуть себе со временем сделанные этому царству уступки» [Дринов 1876, 70].

В этом разложении могущества Первого Болгарского царства (заметим – попортившего немало крови ромеям) многие историки и до, и после М.С. Дринова винили богомильскую ересь, корни которой крылись в разгромленном Василием Македонянином павликианстве. Сам М.С. Дринов верно и убедительно показал социальную сущность богомильства, признавая, что «еретики встречали большое сочувствие в среде народа» [Дринов 1876, 74]. Вместе с тем, продолжая оставаться заложником своего болгарского патриотизма, ученый указывал на то, что эта ересь «...явилась противодействием сильно утвердившемуся византизму с его роскошным клиром, с его придворными кознями, с его государственным всемогуществом и общественным порядком» [Дринов 1876, 78]. Начало усиленной пересадки этих византийских порядков в Болгарию историк усматривает уже во времена Борисова крещения и царствования Симеона. «Но окончательно дело это было завершено, в особенности по отношению к придворным порядкам, в царствование Петра введением греческой принцессы во дворец»

[Дринов 1876, 84]. Таким образом, следуя логике М.С. Дринова и его антивизантийской концепции, задуманное Византией «разложение» Болгарии стало приносить свои плоды задолго до того, как византийские армии (после нескольких десятилетий напряженных войн) в 1019 г. поставили точку в истории Первого Болгарского царства.

Следующий период византийско-болгарских отношений (византийское владычество в Болгарии и восстановление ее независимости) был фрагментарно рассмотрен М.С. Дриновым в рецензии на докторскую диссертацию Ф.И. Успенского «Образование Второго Болгарского царства». Лейтмотивом данного критического разбора стало утверждение харьковского ученого о том, что «народ болгарский трудно мирился с византийским игом и сильно домогался своего освобождения» [Дринов 1881, 88]. По этой причине категорическое возражение рецензента вызвало высказывание Ф.И. Успенского о том, что «имя Болгарии и болгар было изъято из употребления не только византийских, но и западноевропейских писателей и путешественников XII в.» [Дринов 1881, 90]. Возражение рецензента в данном случае следует признать вполне справедливым, а упомянутые им византийские авторы (Анна Комнина, Иоанн Киннам, Никита Хониат (Акоминат)) усилили бы эти возражения болгарскими этнонимами и топонимами в содержании своих работ.

Проблема этнодемографических изменений в завоеванной Болгарии стала вторым узлом противоречий рецензента и автора. Не возражая в целом против высказываний о том, что под властью Византии состав населения Болгарии значительно изменился, М.С. Дринов в то же время считал основным миграционным потоком печенежско-половецкий, шедший с севера и северо-востока, а не греческо-еврейско-турецкий, шедший с юга [Дринов 1881, 92]. В данной рецензии антивизантизм и болгарский патриотизм М.С. Дринова менее противоречат его научной объективности, чем на страницах докторской диссертации. Он, в частности, не только придавал большое значение в поднятом против византийского владычества восстании половецкому и валашскому элементу, но

и указывал на важность «для болгарских дел возмущения византийского полководца Алексея Враны, отправленного с военными силами империи против восставших болгар» [Дринов 1881, 98]. Мятеж же в Константинополе, гибель Враны и расстройство в империи произошли, по мнению Г.Г. Литаврина, около 1186 г. [Литаврин 1960, 437–439]. Тем самым рецензент признавал закономерность утраты Византией, положение которой резко ухудшилось уже после смерти василевса Мануила I Комнина (1143–1180), ранее завоеванной страны.

Государственная власть, ее формы, ее церковная политика в Византии, а также состояние самой византийской Церкви, иначе говоря – внутренняя история Византийской империи, составляли вторую значительную группу исследований рассматриваемого периода.

Заметной фигурой в византинистике своего времени был профессор Харьковского университета А.П. Зернин (1821–1866). Воспитанник Петербургского главного педагогического института, он защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию «Об отношении Константинопольского патриарха к русской иерархии», что и предопределило его последующие научные интересы. Уже вполне сформировавшимся византинистом он прибыл в Харьковский университет, где проработал 17 лет, с 1847-го по 1863 г. Отметим также, что в течение трех лет (1859–1862 гг.) А.П. Зернин был деканом историко-филологического факультета. Он оказался первым ученым на украинских землях Российской империи, который ввел в учебный процесс специальные курсы, посвященные отдельным вопросам ромейской истории. Со всех точек зрения, его можно считать зачинателем украинской ветви византистики. Отдельные новаторские подходы А.П. Зернин обнаруживал и в своих научных трудах, каждый из которых базировался на всесторонней комплексной и критической разработке привлеченных им исторических источников. По сути, он основал новый подход, наметивший исток будущих успехов отечественного византиноведения, ставших особенно явственными с последней трети XIX в.

За время работы в Харьковском университете ученый подготовил три больших научных очерка: «Император Василий I Македонянин» (1854 г.), «Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного» (1858 г.), «Очерк жизни Константинопольского патриарха Фотия» (1858 г.). Преждевременная смерть в 45-летнем возрасте, ставшая следствием сильного переутомления и почти трехлетней душевной болезни, не позволила талантливому, трудолюбивому ученому осуществить все свои научные замыслы, которые, несомненно, вывели бы его в лидеры тогдашней украинской византистики.

Общее, что объединяло все основные работы А.П. Зернина, – точка зрения о решающем и многообразном влиянии Византии на историческую судьбу Древней Руси. Вторым преобладающим моментом следует считать преимущественно биографический характер его исследований. Последнее обстоятельство, пожалуй, в наибольшей степени было характерным для его работы о родоначальнике Македонской царственной династии, продержавшейся свыше полутора столетий.

Ученый весьма высоко оценил в своем очерке деятельность Василия, который являлся, по его мнению, «замечательнейшим из византийских императоров после Юстиниана I». Подчеркивая роль василевса как законодателя, исследователь утверждал, что в этом смысле он может быть поставлен рядом с его знаменитым предшественником [Зернин 1854, 37]. Новейшая передатировка А. Шминком Прохирона 907–908 гг. не меняет этого верного заключения, поскольку кодификация и переработка Юстинианова права в Эпанагое (Исагоге) и 60 книгах Василик была начата до Льва VI Мудрого [Zachariä von Lingenthal 1893, 22, *Anm.* 21; Герцберг 1897, 10; Сокольский 1894, 17–55; Wenger 1953, 701–702, 721; Сюзюмов 1958, 67–75; Каждан 1958, 56–66; Lopez 1959, 78, *note* 21; Каждан 1960, 17; Hunger 1978, 445; Липшиц 1981, 41–48, 55–79; Бартошек 1989, 54, 120, 260; Культура... 1989, 230–232; Schminck 1986, 100–103].

А.П. Зернину принадлежит несомненная заслуга в том, что героем своего сочинения он избрал императора, деятельность которого была мало изучена в европейской

исторической науке. Несмотря на внимание к этой незаурядной личности со стороны византинистов, до сих пор основных, обобщающих работ о ней не так много [Васильев 1906; Vogt 1908; Adontz 1933; Moravcsik 1961]. Уже одно это обстоятельство выгодно оттеняет приоритет харьковского историка, выступившего, по меньшей мере, на полвека раньше остальных. Много сделал ученый и для введения в научный оборот новых источников, в частности упущенного из виду его предшественниками «Поучения Василия I к сыну Льву Философу». Однако, при всей занимательности авторского изложения, научная работа А.П. Зернина напоминает временами художественное произведение, автор которого явно не жалеет эпитетов и красок для апологии своего персонажа. Деяния Василия, человека из народа, до его восшествия на престол напоминают подвиги Геракла. При этом гипертрофированный научный интерес А.П. Зернина к Византии зачастую превращал эту привязанность в плохо скрываемую антипатию по отношению к ее соседям болгарам. Но в высшей степени надуманной представляется нам кульминация очерка, где повествуется о победе Василия в нелегкой борьбе при дворе. Так, признавая, что эта борьба велась всяческими средствами, оставлявшими гораздо больше шансов на успех человеческим порокам, нежели добродетелям, А.П. Зернин, тем не менее, указывал: «Главная причина его (Василия. – С.Л., С.С.) торжества над противниками заключалась в нравственном его превосходстве над ними» [Зернин 1854, 50]. Едва ли комplot даровитого, но полуграмотного царского конюха, разыгравший кровавую интригу против императора-пьяницы, да и сам изворотливый, беспощадный претендент на трон мог справедливо претендовать на столь высокую оценку.

Помимо описания жизни и деятельности Василия I, А.П. Зернин представил во второй части очерка разбор сочинения императора – его «Поучений» к сыну, в котором наиболее отчетливо отстаивались принципы византийской автократии, того самого самодержавия, личной власти монарха, наследственные основы которой пытался заложить василевс. Высокий профессионализм источниковеда-иссле-

дователя, продемонстрированный здесь А.П. Зерниным, в еще большей степени проявился в его очерке о царственном внуке Василия, императоре Константине Багрянородном.

Как и в первом сочинении, ученый проделал большую источниковедческую работу. При этом биография Константина, собственно говоря, таковой здесь не является: она органичнее и удачнее, чем в предыдущем случае, вписана в историю Византийской империи. Стал объективнее и сдержаннее подход автора к деятельности своего очередного героя. Сам василевс получил в работе А.П. Зернина неоднозначную оценку. «Константин Багрянородный, – писал ученый, – принадлежит к числу замечательнейших в длинном ряду византийских императоров. При всей ничтожности его в государственном отношении, он должен быть отнесен к разряду исторических личностей, которые вполне выражают собой эпоху, к которой принадлежали» [Зернин 1858а, 8]. Эта оценка далека от характеристики Константина как «безвольного книжника», которой его еще недавно наделяли историки [История Византии 1967, 207], но едва ли целиком объективна, поскольку правление этого императора (борьба с династами, внешнеполитическая дипломатия) указывают на его сознательные государственные усилия в обустройстве ромейского мира после прихода к власти в январе 945 г. и вплоть до смерти в 959 г. [ср.: Тоунбе 1973].

Очень много места на страницах очерка автор уделил личности предшественника Константина Багрянородного, его регенту, тестю и соправителю Роману I Лакапину. Их борьба друг с другом, при очевидных симпатиях А.П. Зернина к герою своего очерка и неприязни к противнику такового, стала одной из главных сюжетных линий исследования, но, если не брать во внимание эмоциональную сторону подачи материала, фактическая сторона была передана достаточно глубоко и верно [ср.: Вроккаг 1972].

Анализируя сочинения Константина, автор наиболее подробно разобрал его труд «Об управлении империей». Это тем более примечательно, что, на фоне других сочинений ученого василевса, именно данный

трактат был известен хуже, а его боннское издание Иммануила Беккера появилось лишь в 1840 г., то есть на тот момент являлось новинкой, еще недостаточно введенной в научный оборот [Constantinus Porphyrogenitus 1840]. Подобное предпочтение исследователь объяснял тем, что на основании именно этого труда «...мы можем судить, как понимал свое государственное значение Константин и какие уроки преподавал он своему сыну и преемнику» [Зернин 1858а, 83]. Упрек в излишнем увлечении цитатами, который может высказать любой исследователь творчества А.П. Зернина, будет справедлив лишь отчасти: таковы были особенности исследовательского приема ученого, и он обнаруживал их в каждом из своих очерков. Впрочем, такое пространное цитирование имело свое преимущество в том, что позволяло читателю лучше познакомиться с текстом источника и самому извлечь из него то, что прошло мимо внимания автора очерка. В любом случае, столь подробный источниковедческий разбор должен был основательно подкрепить общие выводы работы о Константине Багрянородном: «Он был ревностным хранителем преданий, которыми поддерживалось существование империи, выразив собой всю холодную формальность, которой характеризуется византизм вообще, и не сумев внести в вялое и отжившее уже свой век византийское общество ни одного жизненного и плодотворного принципа. Другого значения он не имел, да и не мог иметь по недостатку в нем одушевляющей силы» [Зернин 1858а, 83]. Между тем Г.Г. Литаврин в предисловии к отечественному изданию Константина Багрянородного «Об управлении империей» оценивал его деятельность иначе. Авторитетный византист не только считал, что Константин «...в сущности, продолжил и внутренний, и внешнеполитический курс Романа I», которого А.П. Зернин всячески противопоставлял Константину, но и указывал на колоссальную организаторскую деятельность последнего [Константин Багрянородный 1989, 20, 23]. Такой взгляд на императора представляется более оправданным, учитывая не столько его ученые познания, порой преувеличиваемые византистами, сколько

недюжинные личные политические, дипломатические способности, сравнительно стабильное положение империи к середине X в., укрепление централизованных форм управления государством, внешнеполитические успехи правительства, развитие культуры. Впрочем, предвзятая точка зрения на Константина VII – правителя, на которой настаивал А.П. Зернин, имеет большую историографию, свидетельствующую о том, что харьковский византист не был одинок в своих заблуждениях, зигдившихся на субъективном толковании византийской истории и ее источников [ср.: Toynbee 1973, 1–14; Gregory 1980].

Серию изданий А.П. Зернина о византийской истории продолжил его биографический очерк о патриархе Фотии. От характеристики государственных деятелей Византии и их трудов ученый перешел, таким образом, к изучению византийской Церкви, в данном случае – одного из наиболее интересных и важных ее периодов. А отсутствие к тому времени в историографии специальных работ, посвященных патриарху Фотию, делало его труд еще более актуальным. По меньшей мере, еще несколько десятилетий он будет оставаться пионером и в данном, намеченном им, направлении исследований [Иеромонах Герасим (Яред) 1874; Лебедев 1900, 51–64; Лебедев 2001, 57–188; Вугу 1912, 180–209; Россейкин 1915].

Антизападные и антикатолические высказывания А.П. Зернина явно отражали настроения российского общества, только что пережившего неудачную Крымскую войну. Впрочем, стремление противопоставить православную Византийскую империю католическому Западу не являлось доминирующей целью рассматриваемой работы. Первая и главная задача А.П. Зернина заключалась в том, чтобы разобрать ценнейший исторический материал, а именно – обильное эпистолярное наследие патриарха Фотия. В этом смысле данная монография ученого более других напоминает глубокую источниковедческую штудию. Страницы работы А.П. Зернина буквально пестрят цитатами из различных документов; некоторые письма приводятся целиком и (вместе с пространными комментариями) занимают по несколько страниц. Публикация подобных

письменных памятников представляет огромный интерес уже не столько для изучения жизни и деятельности высокоученого патриарха, сколько для воссоздания объективной картины политической борьбы в империи, взаимоотношений между римско-католической и греко-православной церквями во второй половине IX столетия. Именно в силу глубокого, пространного изложения источников эта работа не теряет ценность для современных специалистов-источниковедов.

Много места в очерке уделено и личным столкновениям Фотия с папой Николаем I. «Вооружаясь против папы,— подчеркивал историк,— Фотий не имел в виду действовать от своего лица». Все усилия патриарха были обусловлены, по мнению А.П. Зернина, необходимостью защитить восточную церковь, а личной враждебности к Риму у него не было [Зернин 1858б, 57]. Это во многом совпадает с точкой зрения признанного авторитета в вопросе о Фотиевой схизме Ф. Дворника, который, впрочем, едва ли был знаком с трудом А.П. Зернина [Dvornik 1948; ср. также: Рансимен 1998, 29–33, 189–190].

Подводя итог многообразной деятельности духовного главы Константинополя, ученый отмечал: «Противодействуя непомерным притязаниям пап, цареградские патриархи постоянно смотрели на Фотия как на образец поборника и защитника древних уставов церкви. Неудивительно после этого, что латинские писатели и по настоящее время смотрят на него как на виновника разделения церквей. Он действительно был виновником разделения в том смысле, что поставил непреодолимую преграду стремлениям Рима к главенству над восточной церковью. Видя невозможность осуществления своих планов, папы отделились, завещав своим преемникам и своей церкви вечную и непримиримую ненависть к Фотию» [Зернин 1858б, 85]. Таким образом, реабилитируя Фотия, А.П. Зернин разделение церквей весьма оригинально поставил ему в заслугу, а папству – в вину.

Истории ранней Византии касался в своем многогранном творчестве другой профессор кафедры всеобщей истории, В.К. Надлер (1840–1894), оригинальный исследователь с многообразными

интересами, эрудит, прекрасный лектор, одинаково уверенно чувствовавший себя и в общении с ромейскими материалами VI в., и в истории России начала XIX в. Единственной, но достаточно объемной работой ученого на эту тему стал очерк «Юстиниан и партии цирка в Византии» (1876 г.), надолго ставший хрестоматийным по этой проблематике. Очерк появился уже после того, как европейская византистика обогатилась первой специальной работой по данной теме, написанной швейцарским ученым В.А. Шмидтом [Schmidt 1854]. По этой причине В.К. Надлер не мог игнорировать ее основные выводы. В то же время работа харьковского ученого вряд ли может считаться настолько компилятивной, насколько считала ее таковой А.А. Чекалова, отмечавшая, однако, что В.К. Надлер глубже своего предшественника разобрался в причинах восстания Ника [Чекалова 1997, 8]. Дискуссия о влиянии на В.К. Надлера крупнейших работ в западноевропейской медиевистике без сомнения выиграла бы, если бы перед фамилией В.А. Шмидта была поставлена фамилия уже упоминавшегося выше Д. Финлея. Вполне очевидно, что это его концепция, отвергавшая утверждения историков Просвещения и Э. Гиббона о тысячелетнем упадке Византии, задала тон всему очерку В.К. Надлера. Влияние Д. Финлея объясняет многие утверждения и выводы харьковского историка, которые, без сомнения, могут считаться вполне передовыми и прогрессивными в тогдашней отечественной византистике.

«Одним из замечательнейших феноменов всемирной истории» называет В.К. Надлер Византийскую империю уже на первой странице своего труда и берется оспаривать распространенную на Западе концепцию о византизме как «китаизме на европейской почве», «тысячелетней агонии разлагающегося общества», деспотизме в самой уродливой его форме и т.д. [Надлер 1876, I]. Автор считал весьма ограниченными попытки большинства представителей западной науки объяснить долгую историю Византии («разлагающегося трупа») «причинами чисто внешнего свойства»: выгодами географического положения, отличными укреплениями самого Константинополя, мирным характером

ближайших соседей Византии – славян [Надлер 1876, 4]. Причину живучести Византии (главное, на что советуют обратить внимание современные византилисты) [ср.: Литаврин 1997; Сорочан 2001, 333–346] он прозорливо предлагал искать не во внешних, а во внутренних факторах. И вряд ли верноподданическими настроениями консерватора и монархиста В.К. Надлера можно объяснить его последующую глубоко научную аргументацию. Внутренние причины живучести Ромейской империи виделись ему и в государственной политике постоянного обновления «дряхлающих сил свежими варварскими элементами», в результате чего в Византии ничего не значило происхождение, зато «личное достоинство значило все»; и в долго державшейся избирательности императорской власти, что должно было ограничивать деспотизм и произвол; и в развитом, превосходно работающем бюрократическом аппарате, который ученый признавал главным субъектом власти [Надлер 1876, 10–13]. К этому можно было бы добавить сильную государственную власть, публичное право, не слитое с частным, личным (как на варварском Западе), разветвленную государственную налоговую систему, живительные механизмы рынка, сохранение государственных монополий, особую роль монашества, препятствовавшего превращению империи в теократическую монархию, особенности восточного христианства и связанного с ним ромейского мировоззрения и многое другое [ср.: Хвостова 2005]. Об этом пишут и ныне, но первым всегда трудней, а потому их вклад бесценен.

Важнейшими институтами, ограничивающими императорский произвол, В.К. Надлер считал церковь, армию и партии цирка. Он оспаривал распространенную в западном византиноведении точку зрения о декоративном характере и ничтожном влиянии цирковых партий. В современной британской византинистике, например, эти идеи до сих пор разделяет А. Камерон, который считает цирковые димы не партиями, а лишь своеобразными клубами спортивных фанатов, отказывая, таким образом, им в какой бы то ни было заметной роли в социально-политической жизни империи [Cameron 1976, 1–2; ср.: Cameron 1980,

336–337]. В.К. Надлер, напротив, заявлял, что они являлись «громкими учреждениями, в которых принимали непосредственное участие десятки тысяч лиц». Доказательная база В.К. Надлера в данном случае строилась на анализе главным образом политических и конфессиональных воззрений членов ипподромных партий; учитывался территориальный принцип формирования, но учитывался в незначительной степени или не учитывался вовсе их социальный состав (на что гораздо позже, во второй трети XX в., обратят внимание признанные «классики проблемы» Г. Манойлович, А.П. Дьяконов, Ж. Жарри) [Manojlovic 1936, 617–716; Дьяконов 1945, 144–217; Jarry 1968]. Общая концепция В.К. Надлера об активном характере институтов, ограничивающих императорскую власть (в том числе – фракций цирка и димов), вполне логично предполагала такой исследовательский прием, как описание испытания этих институтов на прочность. Для этого автору и понадобилось показать общий характер правления Юстиниана и Феодоры – правления, спровоцировавшего крупнейшее восстание цирковых группировок и народных масс – «Ника».

Это правление В.К. Надлер рисовал достаточно темными красками. Сотканному из противоречий, подверженному внешнему влиянию, обделенному дарованиями, но не амбициями Юстиниану ученый противопоставлял властность, стойкость, жадность и глубокий ум его жены Феодоры. Именно ее влиянием (а также влиянием другого творца его правительственной системы – квестора Трибониана) автор объяснял принятие Юстинианом самых непопулярных решений [Надлер 1867, 39, 43, 46–48]. Тайным противникам царственной четы, оставившим заметки, написанные, по выражению Шарля Диля, «не чернилами, а желчью», исследователь явно доверял больше, чем апологетам. Впрочем, подобные высказывания В.К. Надлера о характере правления Юстиниана I не были оригинальны, даже в отечественной византинистике, и высказывались уже его предшественниками, в том числе – в украинских землях Российской империи [Орбинский 1859, №3. 175–176]. Современные же исследователи в Юстиниане видят несколько иной политический типаж первого

лица империи, гораздо более своевольный и более талантливый, но в отношении Феодоры и ее многостороннего государственного влияния, претензий на собственную политику, даже внешнюю дипломатию сомнений практически нет [ср.: Diehl 1904; Grabar 1966; Browning 1975].

Рассматривая причины восстания “Ника”, В.К. Надлер сумел преодолеть ограниченность своих предшественников и ряда потомков, выдвигавших на первый план династические, конфессиональные требования или личные обиды прасинов на несправедливое отношение к ним императора [Schmidt 1854, 24–26; Diel 1901, 465–473] либо вовсе не посчитавших возможным подробно остановиться на характеристике этих причин [Bury 1897]. В.К. Надлер не только выделял финансовую политику Юстиниана как важнейшую причину восстания [Надлер 1876, 50–51], чем предвосхитил трактовки Ф.И. Успенского и Э. Штейна [Успенский 1912, 499–500; Schtein 1949, 441–449], но и демонстрировал в данном вопросе широкий комплексный подход, свойственный и концепции А.А. Чекаловой. Выдвинутые ею причины (экономические, социальные, политические, религиозные) [Чекалова 1997, 282] фигурировали и в очерке В.К. Надлера. Несколько иной была лишь последовательность изложения этих причин, но не их важность; такой подход вполне отражал влияние новой позитивистской методологии на отечественную византистику, вступавшую в период своего расцвета.

Таким образом, подводя итог изучения харьковскими учеными в 1804–1885 гг. истории Византии, следует признать, что Харьковский университет с полным правом может считаться одним из центров отечественной византистики XIX в. При всей кажущейся (с современной точки зрения) простоте, даже примитивности постановок некоторых византиноведческих проблем они были верны и, что важно подчеркнуть, отличались от прочно укоренившихся со времен Монтескье и Чаадаева

преимущественно негативных оценок всего византийского как растленного и упадочного. Исследования, в той или иной степени посвященные истории Византии, создавались здесь в течение практически всего рассматриваемого периода и отличались разнонаправленностью, которую (на первый взгляд) легко спутать со случайностью тематики. Культурная и конфессиональная близость, поиск исторических аналогий и путей развития Российской империи были определяющими факторами, влиявшими на научные интересы ученых. Противоположные друг другу западные концепции Э. Гиббона и Д. Финлея оказывали определенное влияние на их творчество. Хронологически исследования харьковских византиноведов были посвящены главным образом истории ранней Византии. В проблемном плане выделяются две большие группы исследований: работы об истории византийско-славянских отношений и проблеме культурного влияния Византии на Русь; работы, посвященные внутривизантийской и церковной истории Византии. Последние особенно наглядно подтверждают неслучайность таких интересов, мастерское, подчас новаторское, владение материалом, высокую филологическую подготовку. В рассматриваемый период наибольший вклад в изучение истории Византии внесли А.П. Зернин (деятельность императоров Василия Македонянина, Константина Багрянородного и патриарха Фотия), Н.А. Лавровский (характеристика русско-византийских договоров IX–X вв.), М.С. Дринов (византийско-болгарские отношения в X в.), В.К. Надлер (деятельность общественных партий и ипподрома в VI в. и их роль в политической жизни страны). По сравнению с состоянием византистики в других областях Российской империи это был немалый потенциал, столь раннее появление которого, возможно, объяснимо особой близостью украинских земель к их византийскому прошлому, к ауре ушедшего ромейского мира.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ – Византийский временник
ВХУ – Вестник Харьковского университета
СА – Советская археология
ОР ЦНБ ХНУ – Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина
ПСБКД – Периодическое списание на Българското Книжовно Дружество
УИ – Университетские известия
ХГУ – Харьковский государственный университет им. А.М. Горького
Byz. – Byzantion
DOP – Dumbarton Oaks Papers
JHS – Journal of Hellenic Studies

ЛИТЕРАТУРА

- Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения.* Москва, 1989.
Васильев А. Происхождение императора Василия Македонянина // **ВВ.** 1906. Т. 12.
Герцберг Г.Ф. История Византии. Москва, 1897.
Гордеенков Г. О законодательном достоинстве свода Законов Российской империи // **Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Харьковского университета 30 августа 1835 г.** Харьков, 1835.
Горина Л.В. Марин Дринов – историк и общественный деятель. Москва, 1986.
Дегуров А.А. О возрождении наук и перевес, который они дали Европе перед прочими частями света // **Собрание актов речей Харьковского университета от 17 января 1812 г.** Харьков, 1812.
Дринов М. Началото на Самуилова държава // **ПСБКД.** 1874. Кн. 9–10; 1876. Кн. 11–12.
Дринов М. Три грамоти, дадени от императора Василия на българский «Охридски архиепископ Иоан около 1020 лето» // **ПСБКД.** 1873. Кн. 7–8.
Дринов М.С. [Рецензия] // **Записки Академии наук.** 1881. Т. 39. №8. – Рец. на кн.: Успенский Ф.И. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879.
Дринов М.С. Южные славяне и Византия в X в. Москва, 1876.
Дьяконов А.П. Византийские димы и факции (ta mere) в V–VII вв. // **Византийский сборник.** Москва–Ленинград, 1945.
Зернин А.П. Император Василий I Македонянин. Б.м., 1854.
Зернин А.П. Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного. Харьков, 1858.
Зернин А.П. Очерк жизни константинопольского патриарха Фотия. Москва, 1858.
Иеромонах Герасим (Яред). Отзывы о св. Фотии, патриархе Константинопольском, его современников в связи с историей политических партий Византийской империи. Санкт-Петербург, 1874.
История Византии. В 3 т. Москва, 1967. Т. 2.
Каждан А.П. Василики как исторический источник // **ВВ.** 1958. Т. 14.
Каждан А.П. Деревня и город в Византии IX–X веков. Очерки по истории византийского феодализма. Москва, 1960.
Культура Византии, вторая половина VII–XII в. Москва, 1989.
Курбатов Г.Л. История Византии (Историография). Ленинград, 1975.
Константин Багрянородный. Об управлении империей. Москва, 1989.
Лавровский Н.А. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. Санкт-Петербург, 1853.
Лебедев А.П. История Константинопольских соборов IX века. Санкт-Петербург, 2001.

- Лебедев А.П.* История разделения церквей в IX, X и XI веках. Москва, 1900.
- Левченко М.В.* Русско-византийские договоры 907 и 911 гг. // **ВВ.** 1951. Т. 4.
- Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. Москва, 1956.
- Ланг И.М.* Об изучении юридических и политических наук // **Речи, говоренные в торжественном собрании Харьковского университета 30 июня 1810 г.** Харьков, 1810.
- Литвиц Е.Э.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. Историко-юридические этюды. Ленинград, 1981.
- Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. Москва, 1960.
- Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. Санкт-Петербург, 1999.
- Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария и Древняя Русь (IX – начало XII в). Санкт-Петербург, 2000.
- Лукин М.М.* Лекции по истории средних веков (Б.г.) // **ОР ЦНБ ХНУ.** 505 с. Тетради 1–42.
- Митряев А.И., Голубкин Ю.А., Лиман С.И.* Медиевистика в Харьковском университете // **ВХУ.** 1991. Вып. 24.
- Митряев А.И., Сурков О.М.* До питання про оцінку Марина Дринова як історика-славіста // **ВХУ.** 1978. Вип. 12.
- Михайловский К.* Речь о начале и происхождении Российского законодательства // **Речи, произнесенные в торжественном собрании Харьковского университета 30 августа 1823 г.** Харьков, 1823.
- Надлер В.К.* Юстиниан и партии цирка в Византии. Харьков, 1876.
- Рансимен С.* Восточная схизма. Византийская теократия. Москва, 1998.
- Роммель Х.В.* О преимуществе и силе истинного и совершенного просвещения // **Речи, произнесенные в торжественном собрании Харьковского университета 30 августа 1811 г.** Харьков, 1811.
- Россейкин Ф.М.* Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского. Сергиев Посад, 1915.
- Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси IX – первой половины X в. Москва, 1980.
- Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь.** Москва, 1979.
- Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян.** Москва, 1988.
- Сокальский В.В.* О договорах русских с греками // **УИ.** Киев, 1870. № 4.
- Сокальский В.* О характере и значении Эпанагоги // **ВВ.** 1894. Т. 1.
- Сорочан С.Б.* О торгово-экономической политике Византии в Нижнем Подунавье в VII–X вв. // **Болгарский ежегодник.** Харьков–София, 1996. Т. 2.
- Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. 2-е изд., испр. и доп. Харьков, 2001.
- Сорочан С.Б., Федоров Ю.Ф.* Византистика в Харьковском университете (40-е гг. XIX в. – 1917 г.) // **Материалы и тезисы научной конференции, посвященной 30-летию кафедры историографии, источниковедения и археологии ХГУ (II Астаховские чтения).** Харьков, 1994.
- Сюзюмов М.Я.* Василики как источник для внутренней истории Византии // **ВВ.** 1958. Т. 14
- Тимковский И.* О применении знаний к состоянию и цели государства // **Речи, говоренные в торжественном годовом собрании Харьковского университета 17 января 1808 г.** Харьков, 1808.
- Удальцова З.В.* Прагматическая санкция Юстиниана об устройстве Италии // **СА.** 1957. Т. 28.
- Удальцова З.В.* Политика византийского правительства в завоеванной Италии и результаты византийского завоевания // **Вестник МГУ. Ист.-фил. серия.** 1958. № 3.

- Удальцова З.В. **Италия и Византия в VI в.** Москва, 1959.
- Успенский Ф.И. **История Византийской империи.** Санкт-Петербург, 1912. Т. 1.
- Харитонов С. **Історія приватного права Європи: східна традиція.** Одеса, 2000.
- Хачатуров Р.Л. **Мирные договоры Руси с Византией.** Москва, 1988.
- Хвостова К.В. **Особенности византийской цивилизации.** Москва, 2005.
- Чекалова А.А. **Константинополь в VI в. Восстание Ника.** Санкт-Петербург, 1997.
- Шугуров Н.В. Илья Федорович Тимковский, педагог нашего времени // **Киевская старина.** 1891. № 8–10.
- Adontz N. L'age et l'origine de l'empereur Basile I // **Byz.** 1933. Т. 8; 1934. Т. 9.
- Brokkaar W.G. Basil Lecapenus. Byzantium in the Tenth Century // **Studia byzantina et neohellenica.** Leiden, 1972.
- Browning R. **Justinian and Theodora.** 2nd ed. London, 1975.
- Bury J.B. The Nika Riot // **JHS.** 1897. Vol. 17.
- Bury J.B. **A History of the Eastern Roman Empire, From the Fall of Irene to the Accession of Basil I (AD 802–867).** London, 1912.
- Cameron Al. **Circus Factions. Blues and Greens at Rome at Byzantium.** Oxford, 1976.
- Cameron Al. Circus Factions and Religious Parties: A Rejoinder // **Byz.** 1980. Т. 50.
- Constantinus Porphyrogenitus. **De Thematibus et De administrando imperio accedit Hieroclis /** Rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1840.
- Diehl Ch. **Justinien et la civilisation byzantine au VI-e siècle.** Paris, 1901.
- Diehl Ch. **Theodora imperatrice de Byzance.** Paris, 1904.
- Dvornik F. **The Photian Schism: History and Legend.** Cambridge, 1948.
- Gibbon E. **The History of the Decline and Fall of the Roman Empire.** London, 1814.
- Grabar A. **L'age d'or de Jistinien.** Paris, 1966.
- Gregory T.E. The Political Program of Constantine Porphyrogenitus // **Actes du XV-e Congres International des Etudes Byzantines.** 1980. Vol. 4.
- Hunger H. **Die hochsprachliche profane Literatur der byzantiner.** München, 1978. Bd. 2.
- Jarry J. **Heresies et factions dans l'empire Byzantin du IV-e au VII-e siecles.** Le Caire, 1968.
- Lopez R.S. The Role of Trade in the Economic Readjustment of Byzantium in the Seventh Century // **DOP.** 1959. No. 13.
- Malingoudi I. **Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jads. aus diplomatischer Sicht.** Thessaloniki, 1994.
- Manojlovic G. Le peuple du Constantinople de 400 a 800 apres J.C. // **Byz.** 1936. Т. 11.
- Moravcsik G. Sagen und Legenden über Kaiser Basileios I // **DOP.** 1961. № 15.
- Oikonomides N. Le commercion d'Abydos, Thessalonique et le commerce bulgare au IX-e siecle // **Hommes et recheses dans l'Empire byzantin.** Paris, 1991. Т. 2: VIII-e – XV-e siecle / Ed. V. Kravari, J. Lefort, C. Morrison.
- Schmidt W.A. **Der Aufstand in Konstantinopel unter Kaiser Justinian.** Zürich, 1854.
- Schminck A. **Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbuchern.** Frankfurt a. M., 1986.
- Schtein E. **Histoire du Bas-Empire.** Paris, Bruxelles, Amsterdam, 1949. Vol. 2.
- Toynbee A. **Constantine Porphyrogenitus and His World.** London, 1973.
- Vogt A. **Basile I-er empereur de Byzance.** Paris, 1908.
- Wenger L. **Die Quellen des römischen Rechts.** Wien, 1953.
- Zachairä von Lingenthal K.E. **Geschihte des griechisch-römischen Rechts.** Lipsiae, 1893.